

История одного портрета.

Татьяна Ивановна Тукшунекова

Эта семья появилась довольно странно. Пелагее Кравченко в те годы было всего шестнадцать лет. Она родилась и выросла в селе Туендат. Жила вместе с бабушкой Зиновией, матерью Еленой и сестрой Клавдией.

Заправляла всем хозяйством Зиновия – женщина строгая и суровая, она не давала спуска никому, ни снохе Елене, ни внукам. Мужчин в семье не было. Муж Зиновии умер рано, а единственный доживший до взрослых лет и создавший свою семью сын Филимон погиб на заготовке кедровых орехов. Он упал с высокого кедра, немного поболел и умер, оставив безутешную мать и молодую вдову с двумя дочками на руках. Хозяйство у Кравченко было немалое: более десятка коров, небольшое стадо овец, свиньи в хлеву, а кур и уток никто не считал. Управиться с таким хозяйством женщинам было не по силам, и Зиновия нанимала для работы батраков. Два батрака Андрей Колобов и Григорий Русин жили в доме Кравченко постоянно и работали у них круглый год. Понятно, что на летний период число работников увеличивалось, ведь нужно было и поля засеять, и сено на зиму косить, и урожай собирать.

В конце двадцатых годов прошлого века началась коллективизация во всех селах. Крепкие сельские хозяйства признавались кулацкими, раскулачивались, а члены семьи выселялись в другие места. Угроза раскулачивания повисла и над семьей Кравченко. Зиновия приняла решение, спасшее семью и крепкое хозяйство. Она выдала замуж за Андрея Колобова свою сноху Елену, а старшую дочку Пелагею отдала в жены Григорию Русину. Не знаю, были ли у них до свадьбы хоть какие-нибудь чувства друг к другу! Но семьи появились. Все хозяйство поделили на три семьи, и оно уже не подходило к разряду кулачьего. Даже дом, тогда еще крепкий и не в меру

по тем временам большой, поделенный на три семьи перестал раздражать активистов.

А дом был действительно заметный в деревне. Я его хорошо помню. Моя бабушка Поля прожила в нем всю жизнь. Дом состоял из как бы из двух пятистенников, объединенных большими рубленными сенями, с огромной кладовой. В этой кладовой бабушка хранила запасы солений и варений. А раньше, по рассказам той же бабушки, в кладовой хранились и свиные туши, и ведра с коровьим маслом, бидоны с маслом конопляным, а так же всяческая хозяйственная утварь. А еще в сенях была заветная лестница на чердак дома. Часто, поднимаясь по ней, я мечтала найти на чердаке что-то необычное из той, прошлой жизни, о которой я много слышала.

Время шло своим чередом. Бабка Зиновия умерла, оставив хозяйство на своих зятьев. Но толи хватки истинного хозяина у бывших батраков не было, толи просто в колхозе жить было проще, но хозяйство Зиновии пошло прахом. Все, теперь уже Колобовы и Русины пошли работать в колхоз. У Елены и Пелагеи почти одновременно родились дети: Прасковья и Иван Колобовы, Иван и Мария Русины. По рассказам прабабушки Елены и бабушки Пелагеи я знаю, что они считали свою совместную жизнь с мужьями счастливой. Может быть, это действительно было так, а может, просто длилась та, счастливая семейная жизнь, совсем недолго. Началась война.

Мужчины ушли на фронт сразу. Андрей Колобов пропал без вести, а мой дедушка, Григорий Ефимович Русин умер от ран в госпитале 20 июня 1942 года в городе Калинин, что неподалеку от Москвы.

Баба Поля получила похоронку и всегда бережно хранила ее за иконой на божнице (так называла она полочку для икон, которая висела в красном углу горницы). Но в смерть своего Гриши она, кажется, не верила до самой своей смерти. Возможно, свою роль сыграло известие о том, что Андрей

пропал без вести и оставил тем самым пусть маленькую, но все же надежду на то, что остался жив. А еще был в Туендате случай, когда пропавший без вести солдат (фамилии не помню) вначале 50-х прибыл в деревню живым и почти здоровым. Бабушка всегда говорила:

- Не погиб Гриша. Ошиблись с похоронкой! Он тоже без вести пропал. Вернется!

Сколько я себя помню, она всегда ждала возвращения мужа. И через десять лет после войны, и через двадцать лет, и позже... Уже начало в Туендат из Зырянки ходить рейсовое грузотакси (так называли грузовик, оборудованный скамейками для перевозки людей), потом стал ходить автобус. Останавливались они прямо возле бабушкиного дома. Пелагея Филимоновна работала техничкой и истопником в школе, поэтому к приходу автобуса она всегда была дома. Смотрела на часы и говорила:

- Скоро автобус подойдет, надо чайник поставить...

На большую железную печку водружался большой пятилитровый чайник, в который закидывалась горсть сухого шиповника. Бабушка садилась к окну и ждала... Она уже не говорила, что ждет своего Гришу, но это было понятно и так. Ждать его – стало ее смыслом жизни.

- Баб, а ты чего замуж не выйдешь? – спросила я однажды, мне было годков шесть-семь, и было очень жалко бабушку, жившую в большом доме в одиночестве.

- Ты что внучка! Как же можно, вернется твой дедушка Гриша, что он мне скажет!

Дедушка так и не вернулся, хотя уже и я вместе с бабушкой стала выглядывать в окно и ждать прихода автобуса...

Однажды в Туендат прибыл заезжий фотограф, который обещал всем сделать красивые цветные портреты. Остановился он у бабушки. Так было

принято, что все приезжие заходили к бабушке на чай. Заходили передохнуть Окунеевские и Тукайские жители перед тем, как отправиться пешком в родную деревню. Заходили и те, кто приезжал в Туендат впервые. Она встречала всех, объясняла, куда пойти и где кого можно отыскать.

Угостившись чаем, фотограф предложил сфотографировать бабушку на портрет. Бабушка сказала, что хотела бы иметь портрет семейный. Она стала рыться в старых снимках. Были найдены все фотографии, на которых были дед и она сама в молодости. Фотограф стал внимательно просматривать снимки. Фотографию деда он выбрал сразу. Как же мне она нравится! Молодой красивый парень озорно и весело смотрел с фото. А вот бабушкины фотографии, там, где она была запечатлена в молодости, все были для портрета не пригодны. То она совсем еще девчонка лет десяти, то снимок испорчен. Нашли снимок, где бабушке уже к сорока подходило. Она на фотографиях и в молодости-то имела очень суровый вид, а тут и вовсе: губы сжаты, в глазах тоска и холод. Но что делать, к приезду фотографа бабушка уже совсем состарилась - даже современный фотошоп вряд ли бы исправил ситуацию. Собрав все снимки, фотограф отправился восвояси.

Через месяц заезжий фотограф вновь появился в Туендате. Он положил на стол портрет. На снимке запечатлены молодой озорной парень, а рядом – суровая уставшая женщина средних лет. Не смотря на все это, бабушка гордилась тем, что у нее появился семейный портрет. До конца ее жизни портрет висел в ее доме на стене. Потом, когда уже больная бабушка перебиралась на жительство к своему сыну Ивану, моему отцу, она сняла портрет со стены и потребовала повесить его в комнате уже в Зырянке.